

НАСЛЕДИЕ БОРОДАТОГО ВАРВАРА

Ростислав Дулин

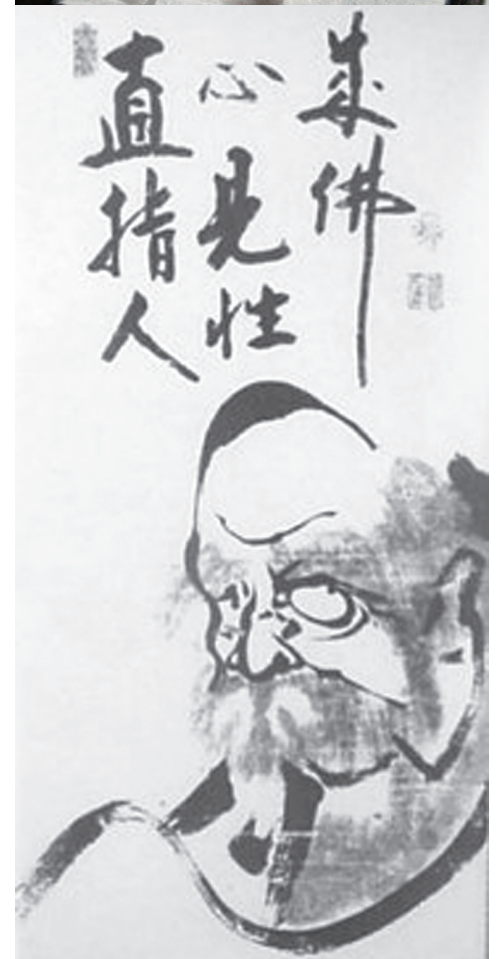
Продолжение, начало в №№ 3-5, 2008 г.

Ученики Бодхидхармы не раз видели, как их наставник вдруг замолкал посреди затянувшейся вечерней беседы и замирал, склонив голову, будто бы к чему-то прислушиваясь. Его лицо нахмуривалось, а затем застывало, подобно маске мертвеца и тут же черты его лица приобретали удивительное сходство с волчьей мордой. Через мгновение где-то неподалеку затягивал свою тоскливую песню «А-У-У-М» серый хищник-бродяга, жалуясь на голод и одиночество, а утром в лесу находили мертвое тело в изодранной черной маске, вокруг которого валялись всевозможные орудия убийства, которые оказались совершенно бесполезными в схватке со сверхъестественным. Шесть раз Бодхидхарма чудесным образом избегал смерти, когда враги пытались его отравить: казалось, что яд на него не действует. Хотя его верные ученики и видели, как их учитель пытается скрыть от них боль, причиняемую смертоносным зельем, которое подсовывали Бодхидхарме лжепочитатели его учения в подобострастно поднесенном рисе или питье. Но что самое удивительное, не проходило и пяти минут, как такой «паломник» сам умирал в мучительных судорогах. Трижды он отвергал приглашение императора Сяо-мина прибыть ко двору северного царства, где он оказался бы очень уязвим. Великий аскет так и не прервал своей аскезы. Говорят, что его концентрация стала столь мощной, а сознание таким тонким, что он мог даже предугадывать движения муравьев, наблюдая за их беспорядочной метушной на стене и полетом мошек, выходящих у огонька лампы. Рассказывают, правда, что однажды он все-таки в минутной слабости, свойственной даже самым великим людям, поддался искушению сна и задремал. Тут же проснувшись, он так раздосадовался, что в гневе на самого себя пальцами вырвал свои ресницы вместе с веками, чтобы глаза более не закрывались, и в сердцах швырнул их на землю. Ресницы рассыпались тут и там, и со временем проросли. Из этих ростков появились первые чайные кусты. Дао-юй и Хуай-кэ стали обрывать с них листья, и заваривать своему учителю, используя их тонизирующую силу, что бы поддерживать его, когда он доходил до полного изнеможения. Впоследствии этот напиток назвали чаем.

С тех самых пор буддийские монахи называют чай напитком просветления и всегда пьют его перед длительными медитациями.

В период девяностилетней аскезы самый преданный ученик Бодхидхармы, аскет Хуай-кэ достиг подлинного освобождения. Легенды говорят, что это было так. Один из новых послушников монастыря Шао-линь, намереваясь любой ценой достичь Дао — высочайшего просветления, день и ночь осаждал Бодхидхарму вопросами. Это был не кто иной, как Хуай-кэ. Надо сказать, что в молодости Хуай-кэ изучал даосизм, хорошо усвоил китайскую классическую литературу и буддийские философские сочинения. К моменту встречи с Бодхидхармой он был весьма образованным человеком сорока лет от роду. И хотя он строго следовал всем заповедям буддизма, что вызывало к нему симпатию у строгого наставника Дхармы, у Хуай-кэ была одна неприятная особенность, которая раздражала всех окружающих. Задавая вопросы кому-либо, Хуай-кэ никогда не слушал ответ, а сразу же сам и отвечал. Так часто бывает, когда излишняя ученость мешает человеку

прислушиваться к мнению других и в этом постигать новое. Бодхидхарма, поняв, что из-за болтовни Хуай-кэ не сможет ему ничего объяснить, попросту не обращал на него никакого внимания. Так прошло около трех лет. Со временем Хуай-кэ успокоился и перестал непрестанно трещать, беседа сам с собой. Теперь он, принеся пищу наставнику и заварив ему чай, тихонько становился у входа в пещеру и молчаливо ожидал. Но однажды, холодной декабрьской ночью, когда бушевала буря и ветер яростно взметал снежные вихри, для Хуай-кэ настал решающий момент. Движимый состраданием, наставник посмотрел на упорного мужчину, застывшего у входа в пещеру, Запорошенная снегом фигура, на которой яростный ветер рвал утлую монашескую сутану, смягчил сердце сурового аскета. Не отрываясь от созерцания стены, Бодхидхарма резко спросил его, чего ему надо. «Хочу проникнуть в суть учения», — сказал Хуай-кэ. «Чем ты готов пожертвовать для этого?» — спросил Бодхидхарма. Сердце Хуай-кэ радостно вспыхнуло, за те несколько лет, что он преданно служил Бодхидхарме, наставник не то что не говорил с ним, но даже ни разу не удостоил его взглядом. Он понял, что ему осталось сделать последнее, решающее усилие. Осмотревшись вокруг, монах понял, что ему нечего поднести в дар учителю, у него ничего не было, кроме старой поношенной тоги. Слишком рьяно следуя монашеским заповедям, он отказывался от владения любым имуществом. Он отказался даже от миски для пищи и поэтому ел и пил просто из сложенных ладоней. Поняв, что ему нечего подарить учителю, кроме самого себя, Хуай-кэ выхватил большой острый нож для вырубki кустарника в лесу. Став на одно колено, он положил свою левую руку на камень и, с силой взмахнув ножом, отсек ее по самый локоть. Несмотря на льющуюся из раны кровь, Хуай-кэ твердо встал на ноги, взял свою отрубленную руку и вошел в пещеру. Подойдя к Бодхидхарме, он стал на колени и, склонившись, положил к ногам наставника страшный дар. Так, словно чувство боли было ему абсолютно не известно, он спокойно произнес: «Сознание вашего ученика еще не успокоилось. Прошу вас, учитель, успокойте его». Бодхидхарма сказал: «Принеси мне твое сознание, и я его успокою». Хуай-кэ произнес: «Я ишу свое сознание, но оно ускользает от меня и остается совершенно не достижимо». Тогда Бодхидхарма ответил ему: «Можешь его больше не искать, ибо найти не сможешь, я полностью его в тебе успокоил». Затем, положив ладонь на голову монаху, Бодхидхарма прочел шепотом короткую молитву и кровь, льущаяся из раны, тут же остановилась. Разжевав несколько сухих чайных листьев, учитель обложил ими рану Хуай-кэ и туго перевязал куском ткани, оторванной от своей тоги. Затем Бодхидхарма спросил, указывая на отрезанную руку: «Зачем ты это сделал?» «Я хотел выказать вам свое почтение и решимость стать вашим учеником», — ответил Хуай-кэ. «Глупый поступок, ты уже давно мой ученик, но даже и не замечал этого», — печально качая головой, ответил Бодхидхарма. Хуай-кэ поднялся с коленей и, взяв свою отрезанную руку, пошел в монастырь, размышляя над словами учителя. Проходя мимо монастырской стены, он почувствовал, что какой-то предмет в его руке отлекает его от размышлений. Подняв руку, он посмотрел, что же это он в ней сжимает, мешающее ему сосредоточиться. «Да это же моя бывшая рука», — в задумчивости произнес

он, — «теперь это никому не нужный кусок мяса». С этими словами Хуай-кэ перебрал отрезанную руку через монастырский забор и двинулся дальше по тропе. Так Хуай-кэ лишился руки, беспокойства ума и осознал себя как ученик Бодхидхармы. Со временем учитель дал ему новое имя, назвав Наследником Дхармы. С этим именем он и вошел в дзэнскую историю как второй китайский патриарх. Еще долгих шесть лет Хуай-кэ постигал искусство медитации под руководством учителя. Из первых уст он воспринял сокровенную «Ланкаватара-сутру», помогающую «забыть о словах и мыслях» и призывающую стремиться «к достижению недостижимого», то есть к «правильному постижению истины». «Глубочайшая истина заключена в принципе тождественности, — наставлял учитель ученика. — Только по причине невежества люди принимают жемчужину — «мани» за кусок кирпича. Но смотри! Тот, кто вдруг пробудился к самопознанию и просветлению, сразу понимает, что является обладателем подлинной драгоценности. Сущность невежественного и просветленного одинакова, и разделять их не следует. Следует помнить, что все живые существа являются именно такими, какие они есть. После того как мы

осознаем, что ничто не отделяет наше тело от тела Будды, то зачем нужно стремиться к нирване, как к чему-то находящемуся вне нас самих?» Все последующие ученики Второго Патриарха так же, как и он, были большими приверженцами идей этой сутры, привлеченными прежде всего призывом к интуитивному познанию мира, самопознанию и просветлению. В период девятилетней аскезы Бодхидхармой были написаны шесть трактатов, которые он оставил своим ученикам. Два из них, «Восемнадцать ударов Лоханя» и «Основы мускульных метаморфоз», посвящались боевому искусству и физическим упражнениям, а трактаты «Два входа», «Врата отдохновения», «Пояснения к Ланкаватара-сутре» и «Краткий трактат о четырех практиках для вступления на путь Махаяны» посвящались преобразованию сознания.

Преодолев все лишения и трудности своей аскезы, богато одобренные нападками врагов и смертельно опасными уловками императорских шпионов, Бодхидхарма завершил ровно через девять лет свое героическое самоотречение. Покинув свою пещеру, он вернулся в стены Шаолина. Правда, предания говорят, что он не смог сам идти, так как ноги отказались слушаться своего хозяина.

То ли это произошло вследствие длительного неподвижного сидения, то ли это было последствием действия яда, которым его пытались отравить, но в храм великий аскет возвращался на руках своих преданных учеников. Немногим монахам, вышедшим встретить его к воротам храма, Бодхидхарма сказал такие слова: «Если сделать свое сознание подобно прочной стене, то сможете вступить на Путь, не гоняясь за внешними обстоятельствами и ничем не стесняя свое сознание». Еще несколько лет провел святой наставник Дхармы в Шаолине, поправляя подорванное здоровье и продолжая проповедовать свое учение. Учение, основанное на суровом аскетизме, с трудом внедрялось в умы монахов. Утраченное здоровье также не восстанавливалось, то ли в виду весьма преклонного возраста, то ли из-за того, что в организме аскета все еще продолжал свое действие яд. Однажды Бодхидхарма, почувствовав себя совсем плохо, призвал своих учеников и сказал: «Время настало. Почему бы каждому из вас не сказать, чего он достиг?»

Тогда Дао-фу ответил: «Насколько мне понятно, истина не принадлежит ни словам, ни письменным знакам, но она и не отделена от них. Она действует как Путь».

Учитель сказал: «Ты получаешь мою кожу».

Монахиня Цзун-чи сказала: «Насколько я это понимаю, истина подобна благостному сиянию земли Будды Акшобхья, ее можно увидеть один раз, но не дважды».

Учитель сказал: «Ты получаешь мою плоть».

Дао-ю сказал: «Четыре великих элемента изначально пусты, пять скандх не существуют. Как я уверен, никакую Дхарму нельзя постичь».

Учитель сказал: «Ты получаешь мои кости».

Наконец очередь дошла до Хуай-кэ. Он почтительно поклонился и молча застыл.

Учитель посмотрел на него внимательно своим удивительным взглядом, который проникал в самую суть всего сущего и сказал: «Ты обрел мой костный мозг».

— Я ужо, работа сделана. Помните, суть «Созерцания Большой Колесницы» Махаяны — Пустота. Слова и писания теряют ценность, высшая мудрость познается в молчании. Обыкновенное сознание — и есть истина.

Затем Бодхидхарма сложил стихотворение:

*Я прибыл в Китай,
чтобы передать Дхарму,
Она от ошибок несет извращенья.
Цветок раскрывает пять лепестков,
А плод созревает после цветенья.*

Неукротимо свирепый взгляд великого аскета потух, его пронзительные глаза закрылись, а упрямая голова упала на грудь. Он так и умер, сидя скрестив ноги, в той же позе, в которой привык сидеть в период своей нечеловеческой аскезы.

Осознав, что их любимый учитель навсегда покинул их, его преданные последователи, сдерживая горестные стенания, которые наверняка бы расстроили дух наставника Дхармы, за что при жизни он наверняка бы попотчевал их своей бамбуковой палкой, со всеми почестями предали его прах земле. Однако уже через несколько месяцев их великая скорбь улетучилась, а ее сменило не менее великое удивление. Дело в том, что как раз в день похорон Бодхидхармы некий чиновник по имени Сун Юнь, бывший по делам государственным за границей, повстречал «покойного» в Центральной Азии. Бодхидхарма бодро шел по дороге, шлепая босыми ногами, в руке у патриарха была одна сандалия. Чиновник, часто посещавший Шаолинь и знавший учителя лично, почтительно поприветствовал его, а затем пригласил разделить трапезу. Трапезничая, они некоторое время беседовали, и Бодхидхарма поведал Сун Юню, что собирается посетить Японию, а потом вернуться на родину в Индию. Затем они распрощались, и каждый отправился своим путем. Вернувшись в Китай, Сун Юнь по пути в столицу посетил Шаолинь. Когда же он спросил, как так получилось, что монахи отпустили такого пожилого человека в одиночку странствовать по миру, взаимному удивлению не было конца. Пребывая в великом смятении, монахи решились вскрыть могилу учителя. Но она оказалась совершенно пустой. В ней лежала только вторая сандалия, которую Бодхидхарма то ли забыл, то ли специально оставил, чтобы подшутить над своими последователями.

В настоящее время считается, что главные секреты Дзэн-буддизма утеряны, поэтому воинские и другие чудеса стали невозможны и о них сохранились лишь легенды. Основная причина утери тайн Бодхидхармы — это утрата секрета системного подхода, психотехники глубокого транс, позволяющего находиться не в пассивно-вялом состоянии сознания, свойственном большинству людей, а в состоянии повышенной активности. Также это произошло из-за утери рецептов специальных травяных отваров и напитков, составленных гениальным учителем, секреты которых изменили бы все олимпийские рекорды, да и потрясли всю цивилизацию в целом. Хотя, как известно, никакие знания не могут быть потеряны навсегда. И сейчас на Востоке и Западе встречаются люди, наделенные сверхъестественными способностями, выходящими за рамки обычного понимания, однако именно ввиду этого они и не стремятся привлекать к себе всеобщее внимание.

Современные ученые, изучающие феномены Дзэн-буддизма, с глубоким уважением относятся к таинственной и величественной личности Бодхидхармы и сожалеют, что наука до сих пор не проявляет необходимого интереса к его методу раскрытия резервных возможностей организма человека. По-видимому, пройдет еще много лет, пока человечество сможет прикоснуться и осознать великое наследие Бодхидхармы, подошедшего наиболее близко к разгадке феномена человека. Пока же неукротимый бородатый варвар воспринимается как нелепая фантастическая легенда.

